

УДК 338.22.021.4

О.А. Золотарева, канд. экон. наук, доц.,
Полесский государственный университет,
А.А. Минченко, Гомельский филиал Международного института
трудовых и социальных отношений, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИАГНОЗА

В статье рассмотрена практическая сущность подлинно кейнсианской экономической теории, ее возможности в преодолении финансового кризиса в постсоветских странах. Предложены конкретные меры по реализации политики социализации инвестиций, обоснована необходимость приватизации и разгосударствления посредством образования третьего суверенного макроэкономического субъекта – банка капиталов.

Ключевые слова: рецессия, стагфляция, мировой экономический кризис, предпочтение ликвидности, кейнсианство, институционализм, административизм, социализация инвестиций, банк капиталов.

Постановка проблемы. Когда мировой экономический кризис вполне ощутимо ворвался в постсоветское пространство, возникла необходимость в адекватной экономической теории, способной всё верно истолковать и дать правильные рекомендации по выходу из кризиса. И, по-видимому, экономическая идеология МВФ оказалась победившей в большинстве постсоветских стран, – “победившей” все остальные стратегии преодоления кризиса, но, к сожалению, не сам кризис. В частности, и Украина, и Беларусь приняли тот пакет мер, который был необходимым условием для предоставления ссуд нашим странам со стороны этой влиятельной организации. Нам предлагается экономить, сокращать лишние расходы, балансировать бюджет. Ну, а если сущность современного кризиса – сжатие совокупного спроса, может ли в этом случае идеология МВФ быть адекватной?

Анализ последних исследований. В рамках мейнстрима имеются два крайних патологических состояния макроэкономики, являющиеся полюсами естественной цикличности, – рецессия и инфляция. Рецессионный разрыв существует при сжатии совокупного спроса и идентифицируется, казалось бы, довольно легко, тогда как феномен инфляции часто теряется в процессе бифуркации, а вместе с ней становится весьма неоднозначным и понятие стагфляции, которая хрестоматийно представляет собой сочетание инфляции и спада. Поскольку в этом случае в основе спада оказываются инфляционные пристрастия правительства, макроэкономический мейнстрим рекомендует начинать антикризисную политику с борьбы против инфляции, даже если последствием будет еще больший спад. То, что в 90-х годах XX века

у нас називалось шоковою терапією, було автоматичним следствием поставленого западними експертами діагноза постсоветської економіки.

Не думаем, что выздоровление постсоветской экономики, начавшееся только в начале следующего века (не слишком ли поздно?), явилось результатом тотальной рестрикционной политики, рекомендованной экспертами МВФ. Уже давно возникали серьёзные сомнения относительно адекватности столь серьёзного аскетизма, тем более что на аскетизм проводимая макроэкономическая политика отнюдь не была похожа. Так или иначе экономический бум, царивший на всем постсоветском пространстве, заставил забыть обо всех подобного рода сомнениях. Но теперь, казалось бы, навсегда похороненная дилемма внезапно возникла снова с еще большей драматичностью, чем ранее – рецессия или стагфляция?

Предлагаем силлогизм, ставший концептуальным ядром наших сомнений в адекватности методологии МВФ относительно сущности переживаемых нашими странами экономических событий.

Большая посылка: вместе с разворачиванием экономического кризиса практически на всём постсоветском пространстве резко возросло предпочтение ликвидности относительно остальных экономических агрегатов.

Малая посылка: деньги представляют собой абсолютную ликвидность.

Вывод: уровень предпочтений наиболее общего денежного агрегата в постсоветском обществе в течение последнего года резко повысился.

Данный вывод, сделанный дедуктивно, казалось бы, противоречит эмпирическим сводкам, указывающим на наличие двухзначного индекса роста уровня цен. И если быть убеждённым в жёсткой прямой корреляции между индексом цен и уровнем инфляции, других доказательств существования значительной инфляции не надо. У нас такой убеждённости нет. Заслуживает внимания парадоксальный, однако довольно убедительный, встречающийся повсеместно факт: нехватка ликвидности, стало быть, реальных денег, может стать причиной повышения цен. Так происходит, когда предприятие, находясь перед лицом дилеммы “повышение цен или расширение оборота”, в силу дефицита ликвидности не может выбрать ее правильную сторону и, стало быть, вынуждено повышать цены на свою продукцию. Этот распространенный в постсоветском пространстве случай указывает на то, что нехватка реальных денег в экономике может манифестироваться как повышение цен. И тогда нам следует сделать выбор, что считать

инфляцией: повышение цен либо избыток денежных средств в экономике; оказывается, речь идет не об одном и том же.

Деньги имеют природу поля: по мере приближения к состоянию полной ликвидности благо в возрастающей степени оказывается способным заменять деньги. Так конструируется понятие эндогенных денег. Во времена, когда институциональные денежные средства утрачивают некоторые свойства ликвидности, их замещают товары, ликвидность которых имеет естественный характер.

Ликвидность есть способность блага быстро и безущербно позиционироваться относительно множества рыночных благ. Ликвидное благо просто, хорошо сохраняет стоимость, портативно. Так, например, нефтяные фьючерсы завоевали общее признание вместе с началом противостояния двух мировых валют (американского доллара и евро). Выбор в пользу одной из мировых валют стал чреват вмененными издержками, – это коренной признак утраты институциональной мировой валютой определенной степени ликвидности. Выбор нефти был нейтрален по отношению к институциональности, а значит, и лишен соответствующих рисков.

В постсоветском экономическом пространстве с началом мирового экономического кризиса имела место не столько инфляция, сколько смещение полюса ликвидности в сторону мировых денег, главным образом доллара и евро. На весах предпочтений экономических агентов национальные деньги Украины и Беларуси перестали быть полюсом ликвидности и стали опережающим индикатором будущего национальных экономик, то есть функционально они оказались чем-то вроде акций, а их динамика стоимости – самым выразительным индексом состояния дел в народном хозяйстве.

Сделав столь очевидный для нас вывод о нарастании с началом мирового экономического кризиса степени предпочтения ликвидности в постсоветском экономическом пространстве, мы автоматически приходим к выводу о том, что сущность нашего кризиса – рецессионный разрыв, то же, что и в развитых странах.

Цель статьи – раскрыть неадекватность экономической идеологии как Международного валютного фонда, так и административизма в преодолении кризиса в постсоветских странах и предложить альтернативные антикризисные меры.

Изложение основного материала. Принято считать, что выход из мировой предвоенной депрессии состоялся благодаря кейнсианской методологии, оформившейся... в 1936 году в книге великого английского экономиста Дж.М. Кейнса [1]. Учитывая, что верхней временной рамкой Великой депрессии является 1933 год (по крайней мере,

так явствует из учебников), фиксируется очередной парадокс экономической теории. В действительности Ф. Рузвельт не был и не мог быть кейнсианцем, а временное преодоление глобального спада не было, как полагают теперь многие историки экономической мысли, неким безотчетным наитием команды американского президента.

У истоков Нового курса Ф. Рузвельта стояли видные теоретики экономического институционализма:

- Джон Коммонс с его идеей ограниченного нормами права рынка, идеей “юридического капитализма”;
- Уэсли Митчелл, разработавший теорию экономических циклов и идеологию вмешательства государства в экономику.

А также Ричард Канн, создавший теорию отраслевых мультипликаторов. И если видеть в государственном секторе некий аналог специфичной отрасли, то мультипликатор государственных расходов Дж. Кейнса – это просто один из мультипликаторов Р. Канна.

Кейнс создал макроэкономику как науку, нечто совершенно иное, чем теория институционализма. Здесь наблюдается как раз тот случай, когда название способно вводить в заблуждение. Микроэкономика, несмотря на корень “микро”, изучает и довольно крупные экономические объекты. Так, типичное экономическое поведение КНР по существу микроэкономическое, как и любой корпорации.

Макроэкономика – это такой экономический континуум, в котором государство перестает быть чем-то всеобщим, как в институционализме или у неоклассиков, но становится особенной силой, частью общего равновесия. Вместе с появлением макроэкономики мы имеем два зеркальных континуума. Один и тот же совет эксперта может оказаться верным в одном континууме и неверным в другом. Например, совет “меньше инвестиций в период кризиса” абсолютно верен по микроэкономическим критериям и абсолютно не верен по макроэкономическим критериям. Совет “больше экономьте в период кризиса” абсолютно верен по микроэкономическим критериям, и тот эксперт, который дает такой совет домашнему хозяйству, поступает вполне добросовестно и профессионально. Однако в макроэкономическом континууме этот совет ложен и вреден. Достаточно сослаться на так называемый парадокс сбережения: народы, которые много сберегают, особенно в иностранной валюте (если эти сбережения не трансформируются в инвестиции), обречены на прозябание.

Согласно Кейнсу, если общество настроено экономить, если общество ценит ликвидность слишком высоко, государство должно поступать *наперекор* обществу и производить достаточно большие расходы, чтобы ликвидность ценилась меньше, чем она ценится во

времена кризиса. В кейнсианстве государство оказывается не инструментом общественного воздействия на экономику, а чем-то совершенно иным, – силой, исправляющей кризисное поведение общества. Если общество опасается потреблять и инвестировать, государство должно больше потреблять и инвестировать; если общество настроено легкомысленно и склонно слишком много потреблять и инвестировать, чем позволяют производственные мощности, государство должно проводить ограничительную политику.

В этом и состоит эзотеричность, то есть невыразимость кейнсианства. Ещё Р. Лукас обратил внимание на то, что если экспансионизм государства становится предсказуемым и легко усваивается рациональными ожиданиями, он перестает быть эффективным, порождая инфляционную спираль [2]. А.М. Фридмен поднял проблему временных лагов [3]. Составилась ловушка Фридмана – Лукаса, казалось бы, навсегда похоронившая кейнсианство: если кейнсианство действует наперекор обществу, общество не в состоянии его одобрить, если же общество угадывает активистские действия правительства и действует соответственно, определяется фактор разрушительных рациональных ожиданий.

Кризисное предпочтение ликвидности обществом возникает в условиях, когда перспективное будущее резко сокращается, когда каждый день можно ждать “чего угодно”. Отсюда вытекает следующий вывод: *уровень кризисного предпочтения ликвидности обществом находится в обратной корреляции с перспективным будущим экономических агентов*. Чем больше у экономических агентов уверенность в будущем, тем меньше предпочтение ликвидности и тем меньше рецессионный разрыв. Следовательно, *чтобы преодолеть рецессионный разрыв в экономике и уменьшить кризисное предпочтение ликвидности, надо либо увеличить количество ликвидности в экономике (каким-то иным способом, нежели посредством печатного станка), либо расширить перед экономическими агентами временную перспективу*.

Классикой кейнсианства в преодолении рецессионного разрыва в экономике считается экспансионистская политика, сопряженная с дефицитом государственного бюджета. Повышенные расходы государства, полагающиеся в кризисные времена, нельзя обеспечить посредством налоговых отчислений (за исключением очень редких случаев), наоборот, следует ослаблять налоговую нагрузку на предприятия. Дефицит госбюджета финансируется: 1) посредством печатного станка; 2) нарастания внутреннего долга; 3) сделанных ранее запасов ликвидности (например, в России значительные запасы ликвидности содержит

стабилизационный фонд). Всмотревшись во все перечисленные три источника финансирования дефицита государственного бюджета, мы увидим нечто общее для всех них: в условиях нехватки доходов государство вводит в оборот, то есть придаёт дополнительную степень ликвидности ранее накопленным элементам национального богатства.

В 1937 году американская экономика снова была отброшена в 20-е годы, стало быть, радикальный институционализм Ф. Рузвельта зашёл в это время в тупик. Потом начались усиленные военные приготовления, завершившиеся войной. Во время войны американская экономика мощно плюсовала. Стали возможны огромные государственные расходы, огромные заимствования американского государства и невиданные ранее налоговые сборы. Налогами забиралась почти вся предпринимательская прибыль. Если бы подобная фискальная политика проводилась в мирное время, она не была бы эффективной уже в соответствии с кривой Лаффера, потому что подавляющее большинство субъектов хозяйствования либо прекратило бы свою деятельность, либо ушло бы “в тень”. Но в условиях крупной войны этого не происходило. Потому что в то время созрело важное условие успешной кейнсианской политики – возник устойчивый временной горизонт: субъекты хозяйствования знали, что отчисления всей прибыли в государственный бюджет *временны*, а когда будет одержана победа, экономика снова станет рыночной.

Обозначился своего рода эффект Пигу. Доходы сократились, но в результате появления мощных врагов рыночной системе – фашистской Германии, а потом крепнущего Советского Союза – возник тот противовес, который повысил ценность рыночной системы. Ценность привычного возрастает именно тогда, когда появляется возможность всё потерять. Вот так возросла ценность структурного и человеческого капитала США, и американское правительство сумело встроить его в рыночный оборот посредством системы своих обязательств. И это была уже действительно неосознанная кейнсианская политика, ибо, как мы убедились, ее суть в том, что в ответ на массовое предпочтение ликвидности в экономике государство делает ликвидным и бросает в оборот элементы национального богатства, одновременно расширяя временную перспективу экономики. Только теперь можно констатировать полное сходство с экономической хронологией: институционализм Ф. Рузвельта заходит в тупик, и тогда обстоятельства складываются таким образом, что тот же самый институционализм приобретает значение кейнсианства – именно то, что происходило после выхода труда Кейнса в 1936 году.

Економика развитых стран стремительно двигалась навстречу тоталитаризму, но как только составилась антагонизм системы свободного предпринимательства с командными системами во время Второй мировой, а затем холодной войны, обозначилась редкость системы свободного предпринимательства и вместе с нею – прирост ценности национального богатства развитых стран, которое и было успешно пущено в оборот через систему обязательств и расширительную бюджетно-налоговую политику.

Административно-командная система была вытеснена за пределы системы свободного предпринимательства. А так как страны, в которых восторжествовала административно-командная система, сами того не желая, помогли это сделать развитым странам, выступая в роли жупела, возникла ошибочная реминисценция, что выход из кризиса произошел благодаря административизму в экономике. С тех пор и повелось путать радикальный институционализм команды Ф. Рузвельта с кейнсианской политикой. И теперь, по-видимому, кейнсианством считается такое положение вещей, когда государство инвестирует в экономику огромное количество денег, а потом предъявляет право на значительную ее часть. Вполне обоснована озабоченность огромными бонусами, которые получают руководители крупных корпораций, но разве могут они сравниться с бонусами консолидированного чиновничества, которое, пользуясь кризисом, обретает значительную экономическую власть и влияние?

Здесь проходит очень тонкая грань между подлинным кейнсианством (а есть всевозможные профанации кейнсианства) и радикальным институционализмом. Допустим, государство в результате кризиса национализирует основные средства производства и делает решительный шаг навстречу командной системе. Даже если в результате падение производства прекратится, нельзя будет сказать, что институционализм победил кризис. Напротив, кризис полностью реализует себя, завершившись схлопыванием экономической системы в систему административную. Кризис никогда не побеждается командной системой, экономический кризис одерживает полную победу, когда устанавливается или усиливается командная система.

Теперь представим другую ситуацию: государство национализирует предприятия и банки, но деловая среда данной страны уверена, что при наступлении подъема предприятий банки снова будут приватизированы. В этом случае капитал посредством государства вводится в оборот (покупка – продажа капитальных фондов) и, надо полагать, величина ликвидности в экономике ослабнет. Речь идет о том, чтобы в условиях нехватки ликвидности в экономике придать дополнительную степень

ликвидности наиболее пригодным для исполнения этой функции элементом национального богатства.

Нам тоже надо найти возможность пустить в оборот элементы национального богатства, чтобы ослабить гнетущий вес ликвидности в экономике на весах предпочтений экономических агентов. В условиях утраты доверия субъектов хозяйствования к экзогенным деньгам (к деньгам государственных институтов) надо сделать так, чтобы экономическая система продуцировала свою эндогенную ликвидность. Если мы делаем выбор в пользу кейнсианской стратегии преодоления кризиса, то надо резко повысить совокупный спрос в экономике. Но это должен быть эффективный спрос. Каким-то образом следует перенацелить потребителя от крена в сторону ликвидности к ориентации на потребление инвестиционных товаров. И здесь незачем ориентироваться на одних только внешних инвесторов. Совершенно непонятным для нас, белорусов, фактом является тот, что идеология патриотизма в стране совмещается с практической невозможностью для среднего белоруса вложить деньги в отечественные предприятия в условиях абсолютной свободы, покупать и продавать иностранную валюту.

В экономике имеются такие товары, которые являются чем-то промежуточным между ликвидными благами и инвестиционными товарами, многие из которых крайне неликвидны. Таким товаром можно считать жильё, которое, обращаясь на рынке, обнаруживает свойства ликвидности (высокая степень сохранения, легко сертифицировать). В макроэкономическом аспекте принципиально важно, что спрос на жильё сопряжен с большим мультипликатором инвестиций.

Полезно знать, как рынок жилья осуществлял функцию локомотива экономического роста у нас и во всём мире. Осуществляя накопления, необходимые для покупки жилья, либо выплачивая проценты по строительным кредитам, домашние хозяйства трансформировали свои сбережения в инвестиции. Жильё, даже еще не построенное, входило в оборот и загружало часть денег в экономику. Примечательно, *что чем более протяженна перспектива обладания жильем, создаваемая отношениями собственности, тем большее количество еще не построенного жилья в дисконтированном виде входит в текущий рыночный оборот, загружая сегодняшние денежные знаки.* Обладая высокой степенью ликвидности, само жильё служит в качестве эндогенных денег, выступая в качестве залога. Устойчивый рост цен на дома и квартиры во всем мире формировал уверенность инвестора и соответственно долговременный период деловой конъюнктуры – то, чего так не хватает сегодня. Мировой экономический кризис

начался именно тогда, когда огромное количество жилья из-за просроченных кредитов было выброшено на рынок, цены на дома и квартиры упали, и в результате жилье утратило функцию ликвидности. Огромная часть эндогенных денег внезапно растворилась в экономическом пространстве, а экзогенных денег явно не хватало.

Таким образом, переход от инвестиционного спроса к депрессивному спросу на ликвидность осуществился на рынке того товара, который максимально сочетал в себе качества ликвидных и неликвидных товаров. И становится понятно, почему правительства многих стран в попытках повернуть кризисную тенденцию вспять колдуют над рынком недвижимости, в том числе и белорусское правительство. Но наш рынок жилья перенапряжён. Имеется в виду такой убедительный показатель, как отношение стоимости квадратного метра средней квартиры к средней годовой заработной плате, который у нас значительно выше, чем, скажем, в Европе.

И всё же у нас есть еще одно благо, которое отлично сочетает в себе качества ликвидности и инвестиционного товара. Это земля. Представим, какое воздействие на экономику окажет крупномасштабный оборот земли, пахотных угодий, лугов и лесов, уже давно существующий в развитых странах. Совершим важное допущение: допустим, нам удалось осуществить то, что называют социализацией инвестиций, то есть сделать землю дискретным, массовым товаром. Определенная фискальная политика должна обусловить такое положение вещей, что земля достанется тем, кто на ней будет работать. Здесь одна из важнейших задач – пресечь раздувание спекулятивных тенденций. Государству надо будет позаботиться и о стабильном повышении цен на данном рынке. Допустим также, что государство ориентируется на цены соответствующих земельных участков в Европе, но начинает с гораздо меньшего уровня цен на землю, однако берётся выкупать земельные участки каждый год по все более высокой цене. Обеспечив, к примеру, среднегодовое повышение цен в 10 % в твердой валюте, государство добьётся важных целей: земля будет входить в оборот, обеспечивать эмиссию огромного количества денег и кредитных ресурсов, которые смело можно будет пускать в оборот, не опасаясь инфляционных последствий. Разумеется, если государство заявит повышательную тенденцию выкупа земельных участков в долговременном периоде, едва ли много будет таких фермеров, которые пожелают землю продать, тем более, когда они почувствуют вкус свободного труда на своей земле. А труд, в самом деле, может оказаться исполненным больших возможностей, чем труд нынешнего фермера, потому что благодаря полноценному рынку земли фермеры получают возможность

отдавать землю в залог, а растущая стоимость земли сделает для банков выгодными такие кредиты. Конкуренция в банковской сфере приведет к снижению ставки процента по кредитам.

Подобного рода экономическую политику мы назовём подлинно кейнсианской: эмиссия значительно большего количества денежных знаков и выдача дополнительных кредитных ресурсов в рамках финансирования дефицита государственного бюджета посредством усложнения реального сектора через массовую приватизацию и разгосударствление.

Задача преодоления экономического кризиса конкретизируется в том, чтобы увеличивать объем ликвидности в экономике и посредством индикативного планирования повышать степень предпочтения капитальных благ. Надо сделать так, чтобы у потенциального инвестора, у массового инвестора существовала прочная уверенность в том, что капитальные блага будут повышаться в цене, как он был уверен на протяжении довольно долгого времени в вечности повышенной тенденции на рынке жилья.

Для того чтобы капитал, попав в рыночную стихию, сохранил и приумножил свою ликвидность, нужен *банк капиталов*, как третий суверенный макроэкономический объект, кроме центрального правительства и центрального банка. Его отличие от обыкновенного коммерческого банка состоит в учете эффекта агрегирования: финансируя каждый из предлагаемых проектов в отдельности, можно увидеть их убыточность в микроэкономическом аспекте, особенно в кризисные времена. Однако объединенные в рамках одного проекта, предъявляя спрос на продукцию друг друга, предприятия могут обусловить прибыльность и всего проекта в целом, и каждого из них в отдельности.

Идея банка капиталов пропагандировалась в России учёными (докторами экономических наук Евстигнеевыми). В Беларуси со схожей идеей, несколько позже, чем Евстигнеевы, выступил Е. Довгель. Последним банк капиталов мыслится как филиал Национального банка Беларуси.

Банк капиталов мог бы являться посредником в эмиссии огромного количества акций. Потенциальные инвесторы смогут голосовать по каждому из генерируемых банком капиталов проектов, уже действующих в качестве функционирующих организаций или еще только рассматриваемых на теоретическом уровне. Голосование должно быть ответственным, голосовать – значит вносить определенные залоговые суммы для последующей покупки акций того или иного проекта. Таким же ответственным должно быть голосование экспертов, работающих в банке капиталов, однако именно их решение должно открывать

или закрывать дорогу конкретному проекту. Невозможно оценить проект по достоинству, если эксперт не будет знать степень готовности рядовых инвесторов вкладывать деньги в данный проект. Поэтому голосование потенциальных инвесторов должно предварять оценку экспертов.

Обсуждаемые проекты – это по сути те, которые не под силу коммерческим банкам из-за наличия эффектов агломерации и трудностей агрегирования. Например, создание инфраструктуры для приватизации земли, создание центров логистики и др. Каждый проект может акционироваться, подобно тому, как сегодня акционируются предприятия в развитых странах. Потенциальные инвесторы делают форвардные заявки на участие в проектах, расписанные по годам, оставляя часть суммы в залог, подобно тому, как это делается на биржах и рынке Forex. Эксперты делают оценку проектов, исходя из их обоснованности, и не последнюю роль здесь играет учет экспертами, в какой степени потенциальные инвесторы готовы расставаться с деньгами ради осуществления этого проекта.

Победившим будет считаться тот проект, который приобрел значительное количество ответственных голосов (голосов рублем) и одобренный советом экспертов. Инвесторы не получивших поддержку проектов должны нечто потерять в утверждение значимости принципа ответственности при голосовании, но, возможно, даже если деньги будут возвращены инвесторам неудачных проектов, их потери будут представлять вмененные издержки, фиксируемые относительно удачливости принятых проектов (например, невыплата процентов по внешним суммам). Это даст возможность значительно увеличить уровень монетизации национальной экономики в связи с замедлением оборота денежной массы вследствие введения в рыночный оборот отечественных капиталов.

Пример. Допустим, происходит обсуждение проекта “Развитие туризма в Беларуси в ближайшие 10 лет” о кредитовании потенциальных предпринимателей, занимающихся этим вопросом. Для системы коммерческих банков каждый из отдельных проектов – будь-то речной туризм, деревенский или охотничий – чреват значительными рисками. Но все они вместе, будучи замыкаемые в одно кольцо соответствующей инфраструктурой, станут продуцировать значительно меньшие риски. В аналитике банка капиталов будут присутствовать те же суждения, что и у правительственных аналитиков. Однако будет и нечто большее: те рядовые инвесторы, быть может, просто семейные хозяйства, которые убеждены в перспективности этого бизнеса в Беларуси, станут размещать свои средства сообразно своим представлениям

о значимости тех или иных составляющих данного проекта (это может быть и речной туризм, и деревенский, и охотничий, религиозный). Всегда найдутся инвесторы, которым будет выгодно разъяснить свое видение данного дела. У аналитиков банка капиталов выявится огромное преимущество перед правительственными аналитиками: они будут располагать более точной информацией о частном инвестировании в это дело, рынок планируемых инвестиций подскажет им, какое направление является более эффективным. Немаловажно и то, что публичное обсуждение данного проекта создаст рекламу и возможности для инвестирования в туризм.

Как бы ни были квалифицированы правительственные эксперты и аналитики, в экономическом поле у них всегда будет нечто трансцендентное, принципиально недоступное познанию – намерения экономических агентов. Вещью в себе сфера интересов и мотивации будет оставаться для них уже в силу того, что субъекты хозяйствования могут сами не знать о своих предпочтениях, если не окажутся в соответствующей стихии. Например, можно безошибочно предсказать, каковы будут результаты референдума о частной собственности на землю в условиях, когда граждане Республики Беларусь лишены земли и не способны ее должным образом ценить. Но если бы было возможно такое развитие ситуации, когда значительная часть белорусов обрели землю и научились ее ценить, результат референдума по земле будет совершенно иным. Таким образом, задача банка капиталов будет состоять в том, чтобы создать такую рыночную инфраструктуру, в контексте которой граждане могли бы осознать сферу своих частных интересов.

Выводы. Экономический кризис делает крайне трудным процесс принятия инвестиционных решений. Будущее оказывается смутным и неопределенным. Нужен долговременный *макроэкономический* план, который отличался бы от долговременного плана развития народного хозяйства, разрабатываемого правительством, *микроэкономического* по своей сути. И банк капиталов будет в состоянии обеспечить этот долговременный макроэкономический план частной инициативы. Мы употребляем термин “частная инициатива” несмотря на то, что банк капиталов может быть частью государственной структуры, как и центральный банк. Но если потенциальные инвесторы, покупатели акций будут своей готовностью расставаться с деньгами и определять будущее альтернативных макроэкономических проектов, то ровно в такой степени это предприятие будет иметь значение частного, вне зависимости от того, будет это выражено в правовой форме или нет.

Список литературы

1. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег [Текст] Избранное / Дж. М. Кейнс. – М. : ЭКСМО, 2007. – 960 с.
2. Lucas, R. E. After keynsian macroeconomic [Text] / R. E. Lucas, T. T. Sargent // In: Rational expectation and econometric practice. – L., 1991. – P. 301.
3. Friedman, M. The quantity theory of money: A restatement [Text] / M. Friedman // In: Studies in the quantity theory of money. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1956. – 607 p.

Summary

In article the practical essence originally keynesyan the economic theory, her opportunity in overcoming financial crisis in postsoviet the countries is considered. Concrete measures on realization of a policy socialization investments are offered, necessity of privatization and privatization by means of making of the third sovereign macroeconomic subject is proved.

Получено 27.11.2009

УДК 336.711

*Т.В. Новик, А.Н. Новик, Полесский государственный университет
Национального банка Республики Беларусь, г. Пинск*

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ФИНАНСОВЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Президентом Республики Беларусь поставлены задачи по активизации привлечения в республику иностранных инвестиций и созданию привлекательного инвестиционного климата с сохранением эффективных государственных механизмов управления экономикой. Один из важнейших факторов, стимулирующих привлечение иностранного капитала в экономику страны, – отношения с международными финансовыми организациями.

Ключевые слова: валютное сотрудничество, валютная политика, международные финансовые организации, Международный валютный фонд, Группа Всемирного банка, Международная финансовая корпорация, Европейский банк реконструкции и развития.

Постановка проблемы. Развитие сотрудничества Республики Беларусь с международными финансовыми организациями в целях реализации основных направлений валютной политики.

Изложение основного материала. Основную роль в организации отношений Республики Беларусь с международными финансовыми организациями играет валютная политика, которая включает в себя следующее: регулирование валютного курса, проведение валютного регулирования и валютного контроля, формирование золотовалютных резервов

© Т.В. Новик, А.Н. Новик, 2009